

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация.....	7
<i>Дашковский П. К.</i> Кочевые народы Центральной Азии эпохи Средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в.	34
<i>Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н.</i> К вопросу о значении полевых исследований Э. М. Медниковой в развитии археологии Алтая.....	50
<i>Серегин Н. Н.</i> Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии: основные этапы исследований и интерпретации комплексов	65
<i>Папин Д. В.</i> Проблемы этнокультурного взаимодействия населения степного и лесостепного Алтая в период поздней бронзы	80

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кожа М. Б., Балтабаева А. Ю.</i> Туркестанская легенда о Ноевом ковчеге на вершине горы Казыкурт	87
<i>Гундова О. Е.</i> Российская интеллектуальная элита XVIII — середины XIX в. об экономике казахов	98
<i>Лысенко Ю. А.</i> Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в.	112

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Дробышев Ю. И.</i> Монгольский хаган как сын Бога.....	123
<i>Шерстюков С. А.</i> «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.)	148

ДЛЯ АВТОРОВ	161
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Treasures of the era of the Volga Bulgaria at the old kuibyshev's archaeological complex in Tatarstan: composition, dating, interpretation	7
<i>Dashkovskiy P. K.</i> The nomadic nations of Central Asia of the Middle ages in historical research of russian scientists of the second half of XIX — early XX century archeology and etno-kultural history	34
<i>Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N.</i> To the question of the importance of field research of E. M. Mednikova in the development of archeology in Altay	50
<i>Seregin N. N.</i> Archeology of the early medieval turks of Central Asia: main stages of research and interpretations of the complexes	65
<i>Papin D. V.</i> Problems of ethnic and cultural interaction of the population steppe and forest-steppe Altai in the late bronze age.....	80

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kozha M. B., Baltabayeva A. Yu.</i> Turkestan legend of Noah's ark on top of mount Kazygurt	87
<i>Gundova O. E.</i> Russian intellectual elite of the XVIII — middle of XIX centuries about the economy of the kazakhs.....	98
<i>Lysenko Y. A.</i> The process of returning refugees –participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20 th century	112

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Drobyshev Yu. I.</i> Mongolian khagan as a son of the God.....	123
<i>Sherstyukov S. A.</i> “Emancipation” of muslim women in Central Asia: strategies of resistance and ways of adaptation (1920s–1930s)	148

FOR AUTHORS	161
--------------------------	-----

УДК 94 (575.1)

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–10

С. А. Шерстюков

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

«РАСКРЕПОЩЕНИЕ» МУСУЛЬМАНСКИХ ЖЕНЩИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТРАТЕГИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ (1920–1930-е гг.)¹

Одной из самых амбициозных и вместе с тем одной из самых сложных задач, которую пытались решить большевики в ходе осуществляемых ими преобразований в Центральной Азии, была политика, направленная на «раскрепощение» мусульманских женщин. Изменения в этой сфере начались раньше — в предшествующий период истории региона имперские власти в Туркестане и джаиды пытались (с разной степенью успеха) осуществить меры, которые изменили бы положение женщин. Усилия большевиков следует рассматривать в свете этого опыта, тем не менее, кампания по «раскрепощению» женщин, которую начали большевики, являлась беспрецедентной, если оценивать ее с точки зрения поставленных целей, способов их воплощения и мобилизованных для этого ресурсов. Эта кампания встретила мощное сопротивление не только в социальных группах, которые с самого начала рассматривались как враждебные новой власти, но неоднозначную и часто негативную реакцию тех сил, которые являлись (или, по крайней мере, могли считаться) ее сторонниками. Столкнувшись с невозможностью остаться в стороне от масштабного социального эксперимента, одни люди стремились выработать практики адаптации к осуществляемой политике, другие — искали способы сопротивления ей, впрочем, между сопротивлением и адаптацией не было непроходимой границы. И первые, и вторые были крайне разнообразны, менялись во времени и зависели от множества факторов. Между двумя полюсами — активным сопротивлением и активной поддержкой было множество промежуточных форм, которые часто ускользали от исследовательского внимания.

Ключевые слова: «худжум», гендерная политика, сопротивление, женщины, мусульмане, Средняя Азия, советская политика.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

Sergey A. Sherstyukov

Altai State University, Barnaul (Russia)

“EMANCIPATION” OF MUSLIM WOMEN IN CENTRAL ASIA: STRATEGIES OF RESISTANCE AND WAYS OF ADAPTATION (1920s–1930s)

The emancipation of Muslim women in Central Asia was one of the most ambitious and yet one of the most challenging tasks that the Bolsheviks in the region have attempted to address. Changes in this area started earlier. The Russian imperial administration in Turkestan and the Jadids discussed and sometimes tried to implement measures that would promote women's emancipation in the previous period of the region's history. The efforts of the Bolsheviks should be seen in the light of this experience. Nevertheless, the campaign for the emancipation of Muslim women, which was launched by the Bolsheviks, was unprecedented if we evaluate it from the point of view of the goals set, the ways of their implementation and the resources mobilized for this. This campaign met with powerful resistance not only in social groups that were initially seen as hostile to the new government, but an ambiguous and often negative reaction from those forces that were, or at least could be considered its supporters. Faced with the inability kept apart from a large-scale social experiment, some people sought to develop practices for adapting to current policies, while others looked for ways to resist it. However, there was no impassable border between resistance and adaptation. And the first and second were extremely diverse, changed in time and depended on many factors. Between the two poles — active resistance and active support — there were many intermediate forms that often eluded attention of researchers.

Key words: “Khudjum”, Gender policy, Resistance, Women, Muslims, Central Asia, Soviet politics.

Шерстюков Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: shers-serg@yandex.ru.

Sherstyukov Sergey Andreevich, PhD (History), Associate Professor, Oriental Department, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** shers-serg@yandex.ru.

Американский антрополог Джеймс Скотт, исследовавший усилия модернизирующегося государства, направленные на преобразование общества, описал практики, благодаря которым общества делались «читаемыми», видимыми для взгляда представителя государства, и методы картографирования общества и его ресурсов для нужд управления [Скотт, 2005]. Но кроме этого, он показал и практики сопротивления, «оружие слабых», причины систематических неудач государства по переустройству общества [Волков, 2018: 123]. В данной статье, обращаясь к архивным источникам, анализируются практики адаптации и стратегии сопротивления, возникшие на местах

в ответ на усилия советского правительства, направленные на «освобождение» мусульманских женщин в Центральной Азии, уделяя особое внимание тем формам сопротивления, которые Д. Скотт охарактеризовал как «оружие слабых».

Историография изучения «женского вопроса» в Центральной Азии включает работы советских этнографов и историков, западных советологов и современные работы, многие из которых написаны в рамках постколониальных исследований.

Советской политике в отношении женщин в Центральной Азии посвящено значительное число работ западных исследований. В то же время западные авторы по целому ряду причин часто оставляли без внимания не только многочисленные работы по данной тематике, опубликованные в советский период, но и работы, опубликованные в постсоветское время на русском языке и языках народов Центрально-Азиатского региона. Однако западная историография и выработанные в ней подходы недостаточно полно учитывались (или совсем не учитывались) исследователями из Центральной Азии и России. Таким образом, разные историографические традиции и школы существовали (в значительной степени по-прежнему существуют) параллельно друг другу, почти не пересекаясь (подробнее см. : [Kamp, 2009: 2–13]).

Однако ситуация меняется, а исследования последних лет вряд ли целесообразно разделять на «западные» и «незападные» — линии разделения теперь проходят в другом месте, и связаны они с несовпадающими методологическими подходами и концептуальными аппаратами разных авторов. В частности, в центре дискуссий авторов, работающих в рамках постколониальных и гендерных исследований, находится проблема колониализма и трактовки колониализма и колониальности при анализе российской и советской политики в отношении женщин в Центральной Азии. Они утверждают, что колониализм подчеркивает разрыв между женщинами метрополии и женщинами периферии, при этом колонизирующие государства создают новые формы гендерного неравенства, которые усиливают доминирование колонизаторов над колонизированными [Edgar, 2006; Northrop 2001, 2004; Тлостанова, 2009; Zubkovskaia, 2007; Kamp, 2009: 4]. Другие авторы, признавая, что колониализм влиял на гендерную динамику [Badran, 1991; Kandiyoti, 2007], указывают, однако, что колониализм не был монолитным, а порожденное им культурное сопротивление варьировалось в зависимости от контекста, империй и ранее существовавших традиций колонизированных обществ [Kane; Gorbenko, 2016: 718–719].

Оценка советской политики в отношении женщин в Центральной Азии зависит от того, как исследователи трактуют СССР. Дискуссия о том, можно ли считать СССР империей, начавшаяся несколько десятилетий назад, то оживая, то затухая, продолжается и сегодня. Частью этой дискуссии являются споры по поводу того, применимы ли подходы и концепции, выработанные в рамках постколониальных исследований, к изучению исторического опыта СССР [Kandiyoti, 2002; Адамс, 2009]. Ряд авторов в этой связи исходят из тезиса о том, что СССР был «необычной» империей, или даже вовсе не империей, а, скорее, мобилизационным модернизирующимся государством [Абашин, 2011: 201]. В качестве примера можно назвать, в частности, известную работу Т. Мартина, определившего СССР как империю «положительной деятельности» [Мартин, 2011]. Другие, такие как Ф. Хирш, писали о СССР как «империи наций» [Hirsch, 2005]. Д. Нор-

троп, посвятивший работу исследованию гендера и власти в «сталинской» Центральной Азии, использовал в названии работы образ «Veiled Empire», который на русский язык переводят обычно как «империя под паранджой» или «империя в парандже» [Кузнецова, 2007]. Д. Нортроп утверждал, что Узбекистан следует рассматривать «в рамках более широкой истории политической власти и культурных изменений при колониализме» из-за неравных отношений между центром и периферией и всепоглощающей одержимости большевиков преодолением «отсталости» частной жизни в Центральной Азии [Edgar, 2006: 255]. М. Камп, напротив, подчеркивает в своей работе [2006], что советская политика в отношении узбекских женщин была вовсе не «имперской», а типичной для модернизирующегося государства XX в. [Edgar, 2006: 255].

Многие исследователи, работающие в рамках постколониальной парадигмы, обращают внимание на неоднозначные и противоречивые результаты советской гендерной политики. Так, исследовательница Ю. Градскова, оценивая данную политику, пишет, что «иные проекты модернизации общества, в том числе альтернативные проекты женской эмансипации, были вытеснены и запрещены, а само «освобождение», несмотря на его очевидные и многократно описанные советскими историками достижения, оказалось одновременно разновидностью подавления и манипулирования различиями» [Градскова, 2013: 139].

Ряд исследователей писали о том, что политику по «раскрепощению» женщин в Центральной Азии нельзя рассматривать только с точки зрения давления государства и сопротивления общества. Ситуация была гораздо более сложной, так как данная политика глубоко расколола местные общества, получала поддержку и вызывала сопротивление в самых неожиданных местах. Однако в наиболее сложном положении оказались женщины, поставленные перед необходимостью выбора, который не только потенциально открывал для них новые возможности, но и был сопряжен со смертельным риском.

Одним из следствий кампании по «раскрепощению» женщин, начатой ВКП(б), стало появление в советском праве и судопроизводстве новой категории преступлений — «преступлений против раскрепощения женщин». К данной категории относились не только такие преступления, как убийство, изнасилование, избиение, но и криминализованные советским законодательством практики, связанные с созданием семьи (калым, заключение браков с несовершеннолетними, похищение женщин и т. д.), определяемые отныне как «пережитки феодальных отношений». Борьба с «пережитками» на долгие годы превратится в магистральное направление советской политики в отношении женщин в Центральной Азии. Одним из способов этой борьбы было ужесточение наказаний за подобные преступления. Так, например, в постановлении ЦИК СССР «Об усилении мер социальной защиты за убийство женщин в связи с их раскрепощением», принятом 23 февраля 1930 г., рекомендовалось «... разъяснить ЦИКаМ союзных республик, что за убийство женщины, если точно установлено, что убийство произошло на почве раскрепощения женщин, может применяться ст. 8 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных)» [Кузнецова, 2010: 56].

Насилие в отношении женщин являлось неотъемлемой частью тех норм, против которых боролась власть, вместе с тем в ходе этой борьбы сама власть широко использовала насилие. Стандартным ответом мужчин на попытки власти «раскрепостить» жен-

щин было насилие, главной жертвой которого становились женщины. Таким образом происходило раскручивание «спирали насилия». Столкнувшись с насилием, общественным порицанием и травлей, многие женщины совершали самоубийство.

Хотя те, кто совершал преступления против «раскрепощения» женщин, обычно определялись государственной идеологией как «классовые враги», распространенность этих преступлений и трудность борьбы с ними была обусловлена отчасти тем, что те, кто совершал данные преступления, и те, кто должен был наказывать за них, часто не рассматривали эти действия ни как преступные, ни как «классово враждебные», руководствуясь совершенно иной логикой и иными представлениями о допустимом и запретном. То, как «работала» эта логика, показывает случай убийства жены собственным мужем, который описала в своих воспоминаниях Е. А. Росс, занимавшаяся партийной работой среди женщин в регионе: «Одна из первых слушательниц партшколы стала первой жертвой в борьбе за раскрепощение женщин-мусульманок. Среди белого дня в саду общежития партшколы муж убил свою молодую жену и явился в женотдел с заявлением об этом. — Джинотдел (баи злобно называли женотдел «джинотделом» от слова «джин» — злой дух), обратился он к нам, — я за жену заплатил калым, учиться ей не разрешил, а она ушла. В школе она разговаривала с мужчиной, потеряла стыд, забыла адат — вот я ее и убил. Этот туркмен был твердо уверен в своей правоте и искренне удивился, когда его арестовали. — Кадий меня судить не будет. Адат велит убить такую жену, — твердил он» (цит. по: [Вагабов, 1968: 102]).

Культурная революция на советском Востоке включала в себя массовую кампанию против «феодалных обычаев», которая началась в 1927 г. с борьбы против ношения женщинами паранджи [Мартин, 2011: 218]. Даже представители партии на местах, которые должны были выступать активными проводниками преобразований, зачастую закрывали глаза на нарушения советских «бытовых декретов» или сами нарушали их. Снятие паранджи символизировало «большевизацию» Центральной Азии, «худжум» просеивал кадры коммунистов, пришедших к власти в процессе коренизации. Каждый мусульманин — член партии, комсомола или советского аппарата — должен был показать «личный пример» следования новым советским нормам семейной жизни. Отказ от снятия паранджи рассматривался как проявление «феодално-буржуазной идеологии» коммуниста. Таких обвинений было достаточно для разоблачения скрытых «классовых врагов» и их исключения из партии. Так «гендерная практика становилась главным языком большевизма в Узбекистане» [Кузнецова, 2007: 103–104].

Резолюция I съезда компартии Узбекистана от 25 февраля 1925 г., с одной стороны, показывала решимость партии бороться за то, чтобы ее представители придерживались новых, советских норм в их собственной семейной жизни (и продвигали их), а с другой — фактически признавала массовое нарушение этих норм: «С настоящего съезда партии необходим решительный переход к практическому проведению в жизнь декретов Советского правительства и предъявлению в первую очередь требований примерного выполнения их членами партии, членами КСМ и особенно ответственными работниками: 1) широкие общественные суды над грубыми нарушителями этих декретов; 2) непрепятствие со стороны членов партии и комсомольцев учиться и участвовать в общественной и государственной жизни своим женам, матерям и сестрам, при-

влечение к агитационно-пропагандистской работе жен ответственных работников; 3) при переводе кандидатов в члены партии учитывать момент многоженства, женитьбы на малолетних и калым» [Астапович, 1971: 60–61].

Однако и позднее ситуация в этой сфере мало изменилась. Об этом свидетельствует, например, доклад «секретарей ЦК ВЛКСМ Сталину о выступлениях на съездах женской молодежи национальных республик» 1936 г.: «Съезды показали, что во многих случаях комсомольские активисты сами нарушают советское законодательство о правах женщин. То же самое можно отнести и к поведению целого ряда коммунистов в национальных республиках и областях» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 734. Л. 99].

Партийные и советские работники не только совершали преступления против «раскрепощения» женщин, но и иногда выступали с критикой самой политики, направленной на «освобождение» женщин. Это показывает, в частности, «список советских и партийных работников, совершивших преступления против раскрепощения женщин», направленный в 1927 г. заведующей отделом работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б) С. Н. Шимко в органы государственного и партийного контроля. Так, в данном документе отмечалось, что начальник городской милиции Джелал-Абада Батыров вскоре после начала кампании по снятию паранджи заявил, что «он скорее оставит советскую службу, чем откроет свою жену» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21].

Оставление службы (работы), выход из профсоюза являлись формой протеста против политики «раскрепощения» женщин. Абдулла Ага Маджитов, кассир магазина Узбекторга в Шахрисабзе, «в разговоре с совработниками заявил: я постараюсь выйти из профсоюза, потому что по линии профсоюзов предлагают открыть жен. Предлагал передавать в кишлаки, чтобы все, кто не хочет открывать жен, выходили из состава членов союза Кошчи, Батрачкома и т. д.» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 22].

Анализ упомянутого документа свидетельствует, что отказ подчиниться новым нормам объяснялся по разному — это могли быть апелляции к общественному мнению или мнению «влиятельных лиц», указания на недостатки в политике большевиков или, что встречалось довольно часто, перекалывание мужчинами ответственности на самих женщин. Так, Махмуд Шарапов, помощник заведующего кооперативом, в разговоре с некоторыми торговцами заявил, что он «отказался раскрыть жену, так как ему тогда не будет доверия от влиятельных и авторитетных лиц» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21]. Султан Кары, заведующий вакуфным отделом Хорокруга, «запретил своей жене выходить на улицу открытой, а в разговорах всем говорит, что его жена ни почем не хочет открыться» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 22]. Мирзабай Карабашев из Ферганы заявил, что «власти следовало бы сначала предоставить работу всем безработным мужчинам, а потом уж, если бы не хватило мужчин, привлекать и мужчин и женщин» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21].

Данные объяснения отчасти помогают прояснить логику, которой руководствовались те, кто выступал против политики «раскрепощения» женщин, и аргументы, которые они применяли для критики (и отказа) подчиняться этой политике. Однако «преступления против раскрепощения женщин» совершались не только мужчинами, но и женщинами, использовавшими свое положение в советских органах власти. Так, в упомянутый уже список была включена завженотделом в Шарихане Адамят Бабаджа-

нова, которая, как сообщалось в документе, «занимается сводничеством, получая за это от мужчин деньги или подарки» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21].

Исследователь Г. Массель писал о том, что реакции мусульманских женщин и мужчин на административные и правовые действия советской власти в сфере «раскрытия» женщин были чрезвычайно разнообразными. «В целом можно сказать, — отмечает он, — что реакция женщин варьировалась от того, что можно было бы охарактеризовать как избегание и избирательное участие до активного отстаивания своих прав и неконтролируемого участия» [Massel, 1974: 257]. «Модели мужской реакции в традиционной среде варьировались от уклонения и избирательной адаптации до ограниченного возмездия и масштабного противодействия» [Massel, 1974: 266].

В рамках политики «раскрепощения» женщин как мужчины, так и женщины в Средней Азии оказывались в ситуации вынужденного выбора между советскими и несоветскими нормами. Однако в этот период можно найти многочисленные примеры того, как эти нормы пытались сочетать, как они сосуществовали в повседневной жизни общества. В попытках решить свои проблемы люди могли обращаться одновременно и к тем, и к другим нормам. Так, в 1924 г. жительница кишлака Дивон-Алик Абдуллаева Ашура подала апелляцию на решение суда отказать ей в разводе с мужем. В апелляции она указывала, что ее муж после ссоры с ней трижды произнес слово «талака». «После этого я ушла от мужа и подала [заявление] о разводе, ибо для женщины, когда ей сказано «талака», развод является уже обязательным» [РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 95. Л. 173]. В своей апелляции она просила отменить решение суда, вынесшего решение примирить ее с мужем, «как основанное на явно непроверенных показаниях и как противоречащее основному духу Советского строительства и меня с мужем моим Махмудом Ишмуратовым развести. После сказанного мне «талака» я жить с ним отказываюсь» [РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 95. Л. 173 об.]. Таким образом, женщина, просившая о разводе, обращалась одновременно к новым, советским принципам и к привычной исламской норме.

В качестве адаптационной практики можно рассматривать и примеры, когда старые нормы пытались наполнить новым содержанием, или, напротив, представить демонстративное нарушение советских норм как исполнение требований и приказов власти. Так, инструктор ЦИК СССР П. Петухов в своем докладе о работе Советов Таджикской ССР в 1935 г. писал: «Классовый враг от имени «советской власти» воскрешал мрачные картины и традиции эмира бухарского... Они организовывали продажу девушек. В присутствии дехкан продавали девушку тому, кто за ее отца сдает 18 цент. хлеба. «Давайте, советскому государству нужен хлеб» [ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 28. Д. 628. Л. 6].

Упомянутый уже американский исследователь Т. Мартин писал, что партийное руководство выстраивало национальную политику в контексте противопоставления политики «жесткой линии» и политики «мягкой линии». Фундаментальные задачи большевиков осуществлялись, по его мнению, в русле политики «жесткой линии», тогда как политика «мягкой линии» была предназначена для того, чтобы сделать ее привлекательной для широких народных масс [Мартин, 2011: 37]. Самой типичной политикой «мягкой линии», по мнению Т. Мартина, была коренизация, однако подобное сочетание «жесткой» и «мягкой» линий просматривается и в гендерной политике большевиков. В качестве примера политики «мягкой линии» можно

привести попытки согласования советского кодекса законов об актах гражданского состояния и норм шариата и адата, предпринимавшиеся советскими и партийными органами в 1920-е гг. Так, в 1923 г. начала работу межведомственная комиссия, в которую входили представители женотдела ЦК КПТ, а также «представители от КВД / ЗАКСа/, от Комюста и Ученого Совета при Наркомпросе, и представители от киргизов, узбеков и туркмен». В ходе работы комиссии обсуждались, в частности, вопросы о брачном возрасте «туземной женщины», об обязательной явке в ЗАКС при заключении брака и о допущении многоженства. Как отмечалось в докладе женотдела ЦК КПТ, в июне «комиссия закончила свои работы, хотя и не пришла к единому мнению» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 177].

Интересно, что, выступая за повышение брачного возраста до 16 лет и против допущения многоженства, представитель женотдела, не желая присоединиться к общему мнению комиссии, также ссылалась одновременно на советские нормы (и в частности на указание медицинского совета) и на нормы шариата и адата. «Основанием для отстаивания брачного возраста туземки в 16 лет, для представителя Ж/Отд. было определенное указание в этом Медицинского Совета, с одной стороны, и с другой — то обстоятельство, что и по заявлению всех представителей от коренного населения ни в шариате, ни в адате нет точных указаний на определенный возраст, допустимый для брака. Там лишь говорится, что брак возможен при наступлении половой зрелости...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 176].

Гендерная политика большевиков стала еще одним направлением, где власть вступила в жесткое противостояние с мусульманским духовенством. Борьба за «раскрепощение» женщин и против «феодалных пережитков» во многом была борьбой с исламом. Большевики использовали кампанию, направленную на «освобождение» женщин, для раскола мусульманского духовенства. Большинство представителей духовенства выступили резко против политики «раскрепощения» женщин, многие из них были арестованы по обвинению в противодействии данной политике.

Однако другим ответом духовенства на проводимую политику была попытка перехватить инициативу и найти исламскую альтернативу данной политике. Одним из таких ответов было расширение системы женского образования. Автор журнала «Коммунистическая революция» писал в 1929 г.: «Чтобы сохранить свое положение, мусульманское духовенство допускает женщин в мечеть. В религиозных школах наряду с Кораном вводятся элементы точных наук. Теперь духовенство не решается даже подходить к крестьянам со старым, окостеневшим догматизмом. В этом смысле реформированная религия более опасна, чем нерепформированная» (цит. по: [Keller, 1998: 33–34]).

Некоторые представители духовенства выступили за освобождение женщин и, ссылаясь на шариат, утверждали, что женщины равны перед богом наравне с мужчинами. Другие шли еще дальше, предлагая помощь правительству в его кампании, направленной на снятие паранджи. В этой связи заведующий отделом агитации, пропаганды и печати Средазбюро ЦК ВКП (б) И. А. Хансуваров предостерегал от подобного сотрудничества, опасаясь, что таким образом прогрессивное духовенство может получить влияние на партийные органы, работая с ними и тем самым обеспечивая собственное выживание путем искажения коммунизма [Keller, 1998: 34].

Важным элементом «худжума» была пропаганда, осуществлявшаяся, в том числе, через сеть культурно-просветительских учреждений (женских клубов, кружков, «красных юрт»). Однако и в этой сфере усилия советских структур встретили противодействие в самых разных формах (проповеди в мечетях и в ходе собраний на дому, агитации на улицах и площадях, распространение слухов, напечатанных брошюр). Советские документы 1920-х гг. полны тревожными сообщениями о подобной агитации. В сводке фактов, характеризующих деятельность духовенства во второй половине 1926 г., подготовленной ОГПУ, отмечалось: «Увеличилась деятельность духовенства по завоеванию под свое влияние женской части населения, результатом чего были случаи полного парализования работы женотделов. Такие явления наблюдались в Бухтарминском уезде, в Бауктинском районе и в Уральской губ. (Казахстан)» [Арапов; Косач, 2010: 39]. В этом же документе сообщалось, что «мулла Алатульского аула совета Таловской волости распространил слухи среди населения о том, что теперь ЦДУ предоставило муллам право совершать бракосочетание и что брак, оформленный муллой, не нуждается в подтверждении советского ЗАГСа (Казахстан)» [Арапов; Косач, 2010: 48].

Распространявшаяся посредством слухов и других форм информация не всегда была прямо направлена на отрицание советских правовых норм, а также сформировавшихся новых повседневных практик, часто речь шла о собственной интерпретации этих норм, встраивании их в более широкий контекст уже существующих норм и практик.

Интересно, что в ходе сопротивления «худжуму» (а также антирелигиозной политике большевиков) и мужчины, и женщины довольно широко использовали современные формы политического действия (митинги, демонстрации, составление наказов, выборы), т. е. те инструменты, которые применяла сама власть (см. : [Лысенко, 2019:189]), в том числе в ходе осуществления гендерной политики в регионе. Так, например, в мае 1929 г. спецслужбы выявили антисоветское собрание двухсот женщин в сельской области Андижана, участницы которого выражали недовольство принудительным снятием и конфискацией паранджи. На митинге было принято решение провести марш протеста с требованием возврата паранджи [Нортроп]. В другом документе, подготовленном ОГПУ, сообщалось, что «в Кунгурском округе на окружном съезде мусульманства присутствовали в качестве делегатов женщины-мусульманки. Один из пунктов постановления съезда заключался в том, чтобы женщины принимали участие в богослужении наравне с мужчинами и не прекратили бы ношение чадры (Урал)» [Арапов; Косач, 2010: 48]. «Характерно, — указывалось в документе, — то, что все эти наказания одинаковы по своему содержанию, независимо от того, где они принимались» [Арапов; Косач, 2010: 34].

Одна из проблем, с которой столкнулись большевики в ходе осуществления политики «раскрепощения» мусульманских женщин в Центральной Азии, являлась невозможность адекватно описать то, что происходит в действительности (не только в силу недостатка информации, искажений на местах), но и из-за ограниченности понятийного аппарата, использовавшегося для этого. Как заметил в своей работе Д. Нортроп, «Центральная Азия мало напоминала европейское общество промышленного капитализма XIX в., анализирувавшееся Марксом, тем не менее партийные мыслители рассматривали узбекское общество сквозь линзы класса и классового конфликта» (цит. по:

[Кузнецова, 2007: 103]). Впрочем, в данном случае советское государство сталкивалось с проблемами, которые возникали перед любым модернизирующимся государством, пытавшимся преобразовать общество. Как писал упоминавшийся уже американский антрополог Д. Скотт, мы должны иметь в виду не только возможность государственных упрощений для преобразования мира, но и способность общества изменять, испровергать, затормаживать и даже уничтожать навязанные сверху категории [Скотт, 2005: 72]. В ходе осуществления гендерной политики советское государство использовало ограниченный и известный набор инструментов, отдельные люди и местные сообщества могли реагировать на действия государства по-разному и через какое-то время приспособлялись даже к самым радикальным из них.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа / практики // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 193–210.

Адамс Л. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 25–36.

Ислам и советское государство: Вып. 1: По материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г. / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. М. : Изд. дом Марджани, 2010. 152 с.

Вагабов М. В. Ислам и женщина. М. : Мысль, 1968. 230 с.

Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.) : сборник документов и материалов. М. : Мысль, 1971. 463 с.

Волков В. В. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 160 с.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р3316. Оп. 28. Д. 628.

Градскова Ю. Свобода как принуждение? Советское наступление на «закрепощение женщины» и наследие империи (середина 1920 — начало 1930-х гг., Волго-Уральский регион) // *Ab Imperio*. 2013 (4). С. 113–144.

Зубковская О. Постколониальная теория в анализе постсоветского феминизма: Дилеммы применения // *Ab Imperio*. 2007 (1). С. 395–420.

Кузнецова С. И., Нортроп Д. Империя под паранджой: гендер и власть в сталинской Центральной Азии. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. — XVII, 392 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2007. № 1. С. 102–109.

Кузнецова С. Пионервожатый женился на пионерке // *Коммерсантъ Власть*. № 15 (869). 2010. С. 56–60.

Лысенко Ю. А. Механизмы формирования социальной базы большевизма в Степном крае в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) // *Society and Security Insights*. 2019. 2 (3). С. 185–192.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.

Нортроп Д. Ограниченное освобождение: гендер, революция и паранджа в повседневной жизни в Советском Узбекистане. URL: <https://caa-network.org/archives/8785> (дата обращения: 20.04.2020).

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 114. Д. 734. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Ф.62. Оп. 2. Д. 95.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М. : Университетская книга, 2005. 401 с.

Тлостанова М. В. Деколониальные гендерные эпистемологии. М. : ООО ИПЦ «Маска», 2009. 386 с.

Badran M. Competing agenda: Feminists, Islam and the state in nineteenth- and twentieth century Egypt. In: Kandiyoti D(ed.) *Women, Islam, and the State*. Philadelphia: Temple University Press, 1991. S. 201–236 (на англ. яз.).

Edgar A. Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet 'Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // *Slavic Review*, 2006. 65 (2): 252–272 (на англ. яз.).

Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // *Central Eurasian Studies Review*. 2009. Vol. 8.1. P. 2–13 (на англ. яз.).

Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? // *Central Asian Survey*. 2007. 26 (4): 601–623 (на англ. яз.).

Kandiyoti D. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 34. №2. P. 279–297 (на англ. яз.).

Kane D., Gorbenko K. Colonial legacy and gender inequality in Uzbekistan // *Current Sociology*. Sep 2016, Vol. 64 Issue 5, P. 718–735 (на англ. яз.).

Keller S. Trapped between State and Society: Women's Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926–1941 // *Journal of Women's History*. Spring 1998. Vol. 10. Number 1, P. 20–44 (на англ. яз.).

Massell Gregory J. *The Surrogate Proletariat: Moslem Women And Revolutionary Strategies In Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton: Princeton University Press, 1974. xxxvi, 448 pp. (на англ. яз.).

Northrop D. Subaltern Dialogues: Subversion and Resistance in Soviet Uzbek Family Law // *Slavic Review*. 2001. 60 (1) 115–139 (на англ. яз.).

Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004 (на англ. яз.).

REFERENCES

Abashin S. Natsii i postkolonializm v Tsentral'noi Azii dvadtsat' let spustia: pereosmyslivaia kategorii analiza / praktiki [Nations and Postcolonialism in Central Asia, Twenty Years Later: Rethinking Categories of Analysis/Practice]. *Ab Imperio*. 2011, no. 3. S. 193–210 (in Russian).

Adams L. Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? *Central Eurasia Studies Review*. 2008. Vol. 7. №1. S. 2–8. (Primenima li kolonial'naia teoriia k Tsentral'noi Evrazii?). *Neprikosnovennyi zapas*. [Emergency Ration]. 2009. no. 4. S. 25–36.

Badran M. Competing agenda: Feminists, Islam and the state in nineteenth- and twentieth century Egypt. In: Kandiyoti D (ed.) *Women, Islam, and the State*. Philadelphia: Temple University Press, 1991. S. 201–236.

Edgar A. Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet 'Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective. *Slavic Review*, 2006. 65 (2). Pp. 252–272.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R3316. Inventory 28. File 628 (in Russian).

Gradskova Iu. Svoboda kak prinuzhdenie? Sovetskoe nastuplenie na “zakreposhchenie zhenshchiny” i nasledie imperii (seredina 1920-kh — nachalo 1930-kh godov), Volgo-Ural'skii region) [Freedom as Coercion? The Soviet Attack on the “Enslavement of Women” and the Legacy of Empire (Mid-1920s — Early 1930s), the Volga-Ural Region)]. *Ab Imperio*. 2013 (4). S. 113–144 (in Russian).

Islam i sovetskoe gosudarstvo [Islam and the Soviet state]: Vyp. 1: (po materialam Vostochnogo otd. OGPU. 1926.) / vstup. st., sost. i komment. D. Iu. Arapova i G. G. Kosacha. Moscow: Izd. dom Mardzhani, 2010. 152 s. (in Russian).

Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another. *Central Eurasian Studies Review*. 2009. Vol. 8.1. Pp. 2–13.

Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? *Central Asian Survey*. 2007. 26 (4). S. 601–623.

Kandiyoti D. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia. *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 34. № 2. P. 279–297.

Kane D., Gorbenko K. Colonial legacy and gender inequality in Uzbekistan // *Current Sociology*. Sep 2016, Vol. 64 Issue 5. S. 718–735.

Keller S. Trapped between State and Society: Women's Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926–1941. *Journal of Women's History*. Spring 1998. Vol. 10. Number 1, Pp. 20–44.

Kuznetsova S. “Pionervozhatyi zhenilsia na pionerke” [“Pioneer Leader married a pioneer”]. *“Kommersant” Vlast'*” [Kommersant Power]. no. 15 (869). 2010. S. 56–60 (in Russian).

Kuznetsova S. I. Northrop D. Imperiia pod parandzhoi: gender i vlast' v stalinskoi Tsentral'noi Azii. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. — XVII, 392 p. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literature*. [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature]. Serii 9: vostokovedenie i afrikanistika. 2007. no.1. S. 102–109 (in Russian).

Lysenko Iu. A. Mekhanizmy formirovaniia sotsial'noi bazy bol'shevizma v Stepnom krae v period grazhdanskoi voyny (1918–1921). [Mechanisms of formation social base of bolshevism in the Steppe region during the civil war (1918–1921)]. *Society and Security Insights*. 2019. 2(3). S. 185–192 (in Russian).

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press. 2001. xvii, 496 p. (Martin T. *Imperiia “polozhitel'noi deiatel'nosti”*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* (per. s angl. O. R. Shchelokovoi). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 855 p.

Massell Gregory J. *The Surrogate Proletariat: Moslem Women And Revolutionary Strategies In Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton: Princeton University Press, 1974. XXXVI, 448 p.

Nortrop D. *The Limits of Liberation: Gender, Revolution, and the Veil in Everyday Life in Soviet Uzbekistan*. S. 89–102. *Everyday Life in Central Asia: Past and Present*. Ed. Jeff Sahadeo and Russell Zanca. Bloomington: Indiana University Press, 2007. ix, 401 p. (*Ogranichennoe osvobozhdenie: gender, revoliutsiia i parandzha v povsednevnoi zhizni v Sovetskom Uzbekistane*. Available at: <https://caa-network.org/archives/8785> (accessed April 20, 2020)).

Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004. 392 p.

Northrop D. Subaltern Dialogues: Subversion and Resistance in Soviet Uzbek Family Law. *Slavic Review*. 2001. 60 (1). S. 115–139.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Social and Political History]. Fund. 17. Inventory 114. File 734. Fund. 17. Inventory 10. File 441. Fund. 121. Inventory 2. File 36. Fund. 62. Inventory 2. File 95.

Skott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998. xiv + 445 p. (Skott J. *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* / Per. s angl. E. N. Gusinskogo, Iu. I. Turchaninovi. Moscow: Universitetskaia kniga, 2005. 401 p.).

Tlostanova M. V. *Dekolonial'nye gendernye epistemologii* [Decolonial Gender Epistemologies]. Moscow: Maska, 2009 386 s. (in Russian).

Vagabov M. V. *Islam i zhenshchina* [Islam and Woman]. Moscow: Mysl', 1968. 230 s. (in Russian).

Velikii Oktiabr' i raskrepushchenie zhenshchin Srednei Azii i Kazakhstana [Great October and Women's Liberation in Central Asia and Kazakhstan]. (1917–1936): Sbornik dokumentov i materialov. Red. kollegiia: Z. A. Astapovich (otv. red.) i dr. Moscow: Mysl', 1971. 463 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Gosudarstvo, ili Tsena poriadka* [State, or Price Order]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 160 s. (in Russian).

Zubkovskaia O. Postkolonial'naia teoriia v analize postsovetского feminizma: Dilemmy primeneniia [Postcolonial Theory in the Post-Soviet Feminist Analysis: Dilemmas of Applicability]. *Ab Imperio*. 2007 (1). Pp. 395–420 (in Russian).

Цитирование статьи:

Шерстюков С. А. «Раскрепощение» женщин-мусульманок в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 148–160.

Citation:

Sherstyukov S. A. Emansipation of muslim women in Central Asia: resistance strategies and ways of adaptation (1920s — 1930s). *Nations and religions of Eurasia*. 2020. №4 (25). P. 148–160.
